

misterium

ЛЕДЯНАЯ ПРИНЦЕССА

ПРОПОВЕДНИК

ВКУС ПЕПЛА

ЗАПАХ СОЛИ, КРИКИ ПТИЦ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КРЕСТ

ПИСЬМО ОТ РУСАЛКИ

ПРИЗРАЧНЫЙ МАЯК

АНГЕЛОТВОРЕЦ

misterium

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ АНГЕЛОТВОРЕЦ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
ÄNGLAMAKERSKAN

Copyright © Camilla Läckberg, 2011.
Published by arrangement with Nordin Agency AB & Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Лэкберг, Камилла.

Л 92 Ангелотворец / Камилла Лэкберг ; [пер. с швед. Е. Хохловой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 368 с.

ISBN 978-5-699-76138-8

Когда на остров Валё приехали Эбба Старк с мужем, вся община тут же закипела слухами и домыслами. Еще бы: ведь она — единственная уцелевшая после ледяных кровей событий, произошедших на острове много лет назад. Тогда, в темную рождественскую ночь, вся ее семья загадочным образом пропала, не оставив и следа. Сама же Эбба была слишком маленькой, чтобы помнить хоть что-нибудь. Исчезновение ее семьи так и осталось тайной за семью печатями. Но, видимо, кто-то весьма напуган тем, что Эбба вновь вернулась в эти края. Потому что вскоре дом Старков поджигают, а в его хозяйку стреляют через окно гостиной. Делом о покушении на убийство занялась команда Патрика Хедстрёма — и, как всегда, параллельное расследование начала его жена, писательница Эрика Фальк...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-699-76138-8

© Е. Н. Хохлова, перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Если один человек способен испытывать столько ненависти, то сколько же любви могут испытать все люди, вместе взятые¹.

Они решили, что ремонт поможет справиться с горем. Никто из них не был уверен в успехе этого предприятия, но другой альтернативы они не придумали. Кроме медленной смерти.

Эбба Старк соскабливала со стен старую краску; засохшие куски отходили легко. Давно уже потрескавшаяся, краска буквально отслаивалась от стены под скребком. Челка липла к потному лбу женщины, июльское солнце нещадно жарило, а руки ныли от монотонных движений. Но ей была приятна эта мышечная боль — она заглушала боль сердечную. Поработав некоторое время, Эбба повернулась посмотреть, как Мортен пилит доски на лужайке. Муж, почувствовав на себе ее взгляд, поднял глаза и махнул рукой, словно она была случайной знакомой, встретившейся ему на улице. Фру Старк поймала себя на том, что отвечает на этот идиотский жест. Несмотря на то что со дня катастрофы прошло уже полгода, супруги так и не поняли, как им теперь относиться друг к другу. Каждый вечер они ложились в двуспальную кровать и поворачивались спи-

¹ Высказывание девушки, выжившей после теракта на норвежском острове Утёйя, в результате которого националист и террорист А. Брейвик убил 77 и ранил 151 человека из молодежного лагеря Норвежской рабочей партии.

ной друг к другу в страхе, что случайное прикосновение спровоцирует реакции, которыми они не смогут управлять. У пары было ощущение, что горе переполняет их, не оставляя места для других чувств. Любви, теплу, сочувствию не было больше места в их доме. Они не обсуждали эти вещи, но чувствовали, что их разделяет чувство вины. Проще было бы все обсудить, но на это у них не хватало мужества. И это чувство вины все увеличивалось и набирало силу, готовясь неожиданно атаковать убитых горем людей.

Эбба вернулась к работе. Под ее ногами росли кучки из ошметков старой белой краски. Показалась древесина, и женщина провела по доскам свободной рукой. У этого дома была душа. Никогда раньше она об этом не задумывалась. Их маленький коттедж городского типа в Гётеборге, приобретенный Старками сразу после сдачи, был совсем иным. Все тогда сияло новизной, что очень нравилось Эббе. Но ее новый дом был старым, как ее душа. Женщина узнавала себя в протекающей крыше, в колонке, которую постоянно надо было чинить, в продуваемых сквозняком окнах, отчего нельзя было ставить свечки на подоконник — их все время задувало. Так же было и в ее душе: сплошные сквозняки, протечки, и стоит только попытаться зажечь свет, как он сразу же гаснет. Может, пребывание на острове Валё поможет душе исцелиться. С этим местом у Эббы не было связано никаких воспоминаний, но почему-то ей казалось, что она хорошо знает этот остров, а он знает ее. Валё находился недалеко от Фьельбаки. Выйдя на причал, можно было увидеть побережье с белыми домиками и красными рыбацкими сарайчиками, напоминавшими цветные бусины огромного ожерелья. От красоты пейзажа захватывало дух. Но пот все сильнее заливал лицо. Эбба вытерлась футболкой и, прищурившись, подняла глаза к солнцу. Над головой кружили чайки. Они что-то кричали друг другу, и их крики смешивались с шумом лодок, пересекавших залив. Женщина зажмурилась, погружаясь в эти звуки, уносившие ее прочь от...

— Может, сделаем перерыв и искупаемся?

Голос Мортена ворвался в ее сознание, и его жена вздрогнула. Она покачала было головой, но почти сразу передумала и кивнула.

— Давай, — сказала она, спускаясь с крыльца.

Купальные костюмы сушились на веревке за домом. Скинув рабочую одежду, Эбба надела бикини. Старк оказался быстрее и уже нетерпеливо ждал супругу.

— Идем? — крикнул он, устремляясь вперед нее по тропинке к пляжу.

Их остров был довольно большим и не таким скалистым, как соседние. Вдоль тропинки росли деревья и высокая трава. Эбба сильно топала ногами, чтобы отпугнуть змей. Она с детства боялась их, и этот страх усилился с тех пор, как она пару лет назад увидела змею, греющуюся на солнышке. Тропинка пошла под горку, и фру Старк невольно подумала о том, сколько детских ножек прошло здесь за все эти годы. Это место по-прежнему называли детским лагерем, хотя лагерь закрылся много лет назад.

— Осторожно! — Мортен показал на корни деревьев.

Его забота должна была бы тронуть, но вместо этого она раздражала. Эбба перешагнула через корни. Еще пара метров, и показался песок. Волны облизывали длинный пляж. Бросив полотенце недалеко от воды, женщина вошла прямо в соленую воду. Водоросли обвили ноги, и от неожиданного холода у нее перехватило дыхание, но скоро она уже наслаждалась прохладой. За спиной что-то закричал муж, но она сделала вид, что не слышит, и продолжала идти вперед. Когда дно ушло из-под ног, фру Старк поплыла и вскоре оказалась у плотика, стоявшего на якоре в нескольких метрах от берега.

— Эбба! — крикнул Мортен с пляжа, но она продолжала игнорировать его.

Ей нужно было побыть одной. Если лечь и зажмуриться, можно представить, что она потерпела крушение посреди океана. Одна. И ей не нужно думать ни о ком больше. Она услышала, как муж подплывает к плоту, а потом тот закачался. Эбба зажмурилась еще крепче, чтобы подольше побыть одной. Ей хотелось быть совсем одной, без Старка, но это было невозможно, и в конце концов женщина открыла глаза.

Писательница Эрика Фальк сидела за столом в гостиной, которая выглядела так, словно в ней разорвалась бомба, на-

чиненная игрушками. Повсюду лежали машинки, куклы, мягкие игрушки и маскарадные костюмы, сваленные в кучи. А как еще может выглядеть дом, в котором живут целых трое детей младше четырех лет? И как всегда, когда у нее выдавалась свободная минутка, Эрика предпочитала тратить время на работу, а не на уборку. Заслышав звук открывающейся двери, она оторвалась от компьютера и увидела мужа.

— Эй! Что ты тут делаешь? Разве ты не к Кристине пошел?

— Мамы не было дома. Надо было сначала позвонить, — раздраженно ответил Патрик Хедстрём, скидывая обувь.

— Тебе их обязательно надевать? Да еще и машину в них вести? — спросила Эрика, имея в виду его неоновозеленые резиновые тапки, которые Анна, ее сестра, в шутку подарила ему и которые тот теперь отказывался снимать.

Патрик поцеловал жену.

— Они удобные, — сказал он и пошел в кухню. — Издательство до тебя дозвонилось? Они в отчаянии, раз позвонили даже мне, чтобы тебя найти.

— Они хотят узнать, приеду ли я на книжную ярмарку, как обещала, или нет. Но я никак не могу решить.

— Ты должна поехать. Я присмотрю за детьми. Я уже всем сказал, что не буду работать в эти дни.

— Спасибо, — поблагодарила писательница, злясь про себя на супруга за то, что вынуждена испытывать к нему благодарность.

Его работа в полиции значительно усложняла им жизнь. Патрика могли вызвать в участок в любую минуту, часто он задерживался вечерами и работал по выходным. Эрика обожала мужа, но это не меняло того факта, что он даже не задумывался над тем, что на ней лежит вся забота о детях и доме. А ведь у нее тоже была карьера, и весьма успешная. Часто ей приходилось слышать, как чудесно зарабатывать на жизнь писательством — ведь писатель свободен распоряжаться своим временем, писатель сам себе начальник, никто им не командует! Каждый раз, слыша это, Эрика бесилась, потому что в реальности все обстояло совсем по-другому. И, как бы ни любила свою работу, она знала, что у писателя нет ни свободной минутки. Писательство отнимало все ее время. Во время работы

над книгой она и думать ни о чем другом не могла семь дней в неделю. Порой Эрика даже завидовала тем, у кого был восьмичасовой рабочий день, потому что им не нужно было все время думать о работе. Сама же она трудилась круглосуточно. Успех требовал от нее больших усилий, не говоря уже о том, что сложно было сочетать успешную карьеру с заботой о маленьких детях. К тому же работу Патрика все считали куда важнее, чем писательство Эрики. Ведь его профессия сопряжена со спасением людей, раскрытием преступлений и обеспечением нормального функционирования общества. Книги же, написанные Эрикой, годились только для развлечения. Писательница принимала это и жертвовала собой ради мужа, хотя иногда ей хотелось заорать от возмущения.

Вздохнув, Эрика присоединилась к мужу в кухне.

— Дети спят? — спросил Хедстрём, доставая все необходимое для своего любимого бутерброда — хлебцы, масло, тресковую икру и сыр. Его супруга поежилась, представив, как все это потом будет макаться в какао.

— Поразительно, но мне удалось уложить всех одновременно. Они хорошо поиграли днем, так что все трое спят без задних ног.

— Замечательно, — сказал ее муж, присаживаясь за стол.

Эрика вернулась в гостиную, чтобы успеть немного поработать до того, как дети проснутся. Украденные минуты — вот чем ей приходилось довольствоваться.

Во сне вокруг него полыхал огонь. В ужасе Винсент прижился носом к оконному стеклу, а за ним все ярче разгоралось пламя. Его оранжевые языки подбиралась к мальчику. Вот они коснулись его светлых волос, и с его губ сорвался бесшумный крик. Ей хотелось разбить стекло и спасти сына из пламени, угрожавшего поглотить его. Но тело не слушалось. Она не могла пошевелиться. И тут раздался голос Мортена, полный ненависти. Он ненавидел ее за то, что она не могла спасти Винсента, за то, что она стояла и смотрела, как он сгорает заживо.

— Эбба! Эбба!

Голос умолял ее попытаться снова. Разбить стекло. Спасти...

— Эбба, проснись!

Кто-то дернул ее за плечи и заставил сесть на кровати. Сон рассеялся, но фру Старк не желала просыпаться. Ей хотелось броситься в огонь и на один последний момент ощутить тело Винсента в своих объятьях, прежде чем они оба сгорят.

— Проснись! Пожар!

Сон как рукой сняло. В нос ударил дым, и Эбба закашлялась. Открыв глаза, она увидела, как в дверной проем вваливаются клубы черного дыма.

— Надо бежать! — крикнул Мортен. — Ползи под дымом. Ты первая. Я за тобой. Хочу сначала посмотреть, нельзя ли потушить огонь.

Женщина перекатилась через край кровати на пол и ощутила щекой тепло досок. Легкие горели от дыма, но у нее не было сил бежать. Ей хотелось только спать. Эбба закрыла глаза, чувствуя, как тело наливается тяжестью. Ей нужно поспать.

— Вставай! Ты должна встать! — истерически крикнул Мортен.

Фру Старк вырвалась из дремы. Почему он такой пугливый? Мортен схватил ее и поставил на четвереньки. Против воли женщина поползла вперед. Страх мужа передался и ей. С каждым вдохом ее легкие наполнялись дымом, который отравлял ее, подобно медленному яду. Но лучше умереть от дыма, чем от огня. Страх обжечь кожу помог Эббе ускориться. Она выползла из комнаты и замерла, забыв, в какой стороне лестница. Голова перестала работать. Все, что она видела, это серую пелену дыма перед собой. В панике женщина поползла вперед. В тот момент, когда она нащупала лестницу, рядом пронесся Старк с огнетушителем в руках. Он буквально слетел вниз по ступенькам. Эбба посмотрела ему вслед. Тело снова отказалось ее слушаться. Она беспомощно застыла наверху лестницы, а дым все сгущался. Эбба закашлялась, из глаз у нее потекли слезы. Она подумала о Мортене, но у нее не было сил даже переживать за мужа. И снова она испытала соблазн сдаться. Исчезнуть, забыть о горе, терзающем душу и тело. Перед глазами все потемнело. Женщина устало опустилась на пол, положила голову на руки и закрыла глаза. Было тепло. Она почувствовала, как погружается в блаженную темноту и как та принимает ее в свои объятья, даря исцеление.

— Эбба!

Мортен потянул ее за руку, однако его жена стала сопротивляться. Ей не хотелось вырываться из блаженной темноты, к которой она была так близка. Но тут что-то хлестнуло ее по щеке. Удар был такой болезненный, что она тут же открыла глаза и уставилась в лицо Старка. В глазах его была тревога, смешанная со злостью.

— Огонь потушен, но внутри оставаться нельзя, — сказал он и попытался поднять Эббу, но та по-прежнему не давалась. Он отнял у нее единственную возможность покоя, которого она так давно не испытывала.

В гневе фру Старк набросилась на мужа с кулаками. Так приятно было наконец выплеснуть всю злость и разочарование! Она била его кулаками в грудь со всей силы, пока Мортен не схватил ее за запястья. Он крепко прижал Эббу к себе, заставив ее уткнуться головой ему в грудь. Женщина слышала, как бьется его сердце, и начала плакать, а потом наконец позволила поднять себя на руки, чтобы муж вынес ее из дома. Холодный свежий воздух наполнил легкие, и Эбба потеряла сознание.

Фьельбака, 1908

Они приехали рано утром. Мать уже встала к детям, а Дагмар еще нежилась в постели. Быть ее настоящей дочерью было совсем другое дело, чем быть одной из тех ублюдков, о которых матери приходилось заботиться. Дагмар была особенной.

— Что это? — раздались крики из комнаты. Других детей и Дагмар вырвал из полудремы громкий стук в дверь.

— Открывайте! Мы из полиции.

Надолго у них терпения не хватило. Дверь выбили, и мужчины в униформе ворвались внутрь. Дагмар испуганно натянула на себя одеяло.

— Полиция?

Отец в спешке затягивал пояс на брюках. Его впалая грудь в клочках седых волос тяжело вздымалась.

— Дайте только надеть рубашку, и я со всем разберусь. Это какое-то недоразумение. Здесь живут порядочные люди.

— Здесь живет Хельга Свенссон? — спросил полицейский, за спиной которого виднелись еще двое. Втроем они едва помещались в тесной кухне, заставленной кроватями. В доме у них жило пятеро детей, и свободного места почти не было.

— Меня зовут Альберт Свенссон, Хельга — моя жена, — ответил им отец. Он был уже в рубашке и стоял, скрестив руки на груди.

— Где ваша жена? — требовательно спросил полицейский.

Дагмар было видно, как отец хмурится. Он слишком нервный, всегда говорила мать, волнуется из-за пустяков.

— Мать в саду с детьми, — ответила девочка, и только теперь полицейские ее заметили.

— Благодарю, — ответил полицейский, разворачиваясь.

— Вы не можете вот так просто вторгаться в дома к порядочным гражданам. Вы нас до смерти перепугали. Объясните, в чем дело!

Дагмар сбросила одеяло, опустила ноги на холодный пол и бросилась бежать за полицейскими в одной ночной рубашке. Повернув за угол, она резко остановилась. Двое незваных гостей держали мать за руки. Она вырывалась, но те не отпускали. Дети вопили. Белье, которое мать развешивала, валялось в грязи.

— Мама! — бросилась к ним Дагмар.

Она вцепилась одному из полицейских в ногу и изо всей силы укусила его в бедро. Заорав, тот выпустил мать, повернулся к Дагмар и закатил ей такую пощечину, что девочка упала на спину. От неожиданности она так и осталась лежать на траве, прижав ладонь к горящей от боли щеке. За все восемь лет жизни ее ни разу не били. Конечно, она видела, как мать бьет других детей, но на Дагмар она никогда руку не поднимала. И отец не осмеливался.

— Что вы творите? Бьете мою дочь?! — рассвирепела мать.

— Это ничто по сравнению с тем, что сотворили вы! — рявкнул полицейский, снова хватая Хельгу за руку. — Вы подозреваетесь в убийстве ребенка, и у нас есть право обыскать ваш дом. И уж поверьте нам — мы обыщем каждый уголок!

Дагмар видела, как мать сникла. Щеку по-прежнему жгло огнем. Сердце девочки колотилось в груди. Вокруг них малыши рыдали так, словно настал конец света. А может, так оно и было. Хоть Дагмар и не понимала всего, она чувствовала, что ее мир только что рухнул.

— Патрик, можешь съездить на Валё? Оттуда поступил сигнал о пожаре. Подозревают, что это поджог с целью замести следы преступления.

— Прости, что ты сказала? — спросил Хедстрём, крепче прижимая к уху телефонную трубку, вылезая из постели и хватая свободной рукой джинсы. Сон как рукой сняло. Он бросил

взгляд на часы. Четверть восьмого. Интересно, что Анника забыла в участке в такое время?

— Пожар на Валё.

Эрика заворочалась в постели.

— Что случилось? — спросила она спросонья.

— Работа. Надо ехать на остров Валё, — шепнул ее муж. Удивительно, но дети все еще спали. Обычно младенцы просыпались уже к половине шестого.

— Детский лагерь, — продолжала Анника.

— Хорошо. Возьму лодку. Позвоню Мартину. Это ведь он дежурит сегодня?

— Да, он и ты. Увидимся в участке.

Патрик закончил разговор и надел футболку.

— Что случилось? — повторила Эрика, садясь на кровати.

— Пожарные подозревают, что кто-то поджег старое здание детского лагеря.

— Детского лагеря? Кому это понадобилось? — недоумевала его супруга. Она тоже начала вставать.

— Не знаю, потом все расскажу — обещаю, — улыбнулся Хедстрём. — Я в курсе, что это твой специальный проект.

— Поразительно. Стоило Эббе вернуться, как кто-то пытается сжечь лагерь.

Патрик покачал головой. По опыту он знал, что жена любит совать нос не в свои дела и делать поспешные выводы. Конечно, иногда она оказывалась права, нужно отдать ей должное, но чаще попадала в разные неприятности.

— Анника сказала, что подозревают поджог. Это пока все, что мы знаем. Так что, может, и не было никакого преступления.

— Кто знает, — возразила Эрика. — Все равно странное совпадение. Можно поехать с тобой? Я все равно собиралась пообщаться с Эббой.

— А кто присмотрит за детьми? Боюсь, Майя еще маловата для того, чтобы приготовить им кашку.

Поцеловав жену в щеку, Хедстрём поспешил вниз по лестнице. За спиной у него, как по заказу, раздался ор младенцев.

По дороге на остров Патрик с напарником Мартином Молином молчали. Мысль о поджоге казалась пугающей и слож-

ной для понимания. И по мере приближения к идиллическому острову — все более невероятной.

— Какая тут красота! — воскликнул Мартин, когда они спустились с лодки и пошли по тропинке.

— Ты бывал тут раньше? — спросил Хедстрём, не оборачиваясь. — Кроме того Рождества, я имею в виду?

Его напарник что-то пробормотал в ответ. Ему не хотелось вспоминать то мрачное Рождество, когда он оказался втянутым в семейную драму, разыгрывавшуюся на острове.

Перед ними открылась широкая лужайка. Полицейские остановились и осмотрелись.

— У меня с этим местом связано много воспоминаний, — вздохнул Патрик. — Мы сюда часто приезжали с классом. А одно лето я тут учился ходить под парусом. А вот там мы играли в мяч. И в лапту.

— Да, тут в летнем лагере все деревенские перебивали. Странно, что это место всегда называли колонией, — ответил Молин.

Хедстрём пожал плечами, и они ускорили шаг.

— Осталось со старых времен. Тут раньше был интернат. А до этого тут жил фон Шлезингер, о котором всем хотелось забыть.

— Да, я слышал об этом сумасшедшем, — отозвался Мартин и вдруг выругался — ему в лицо ударила ветка. — А кому он сейчас принадлежит?

— Наверное, семейной паре, которая тут живет. После того, что тут произошло в семьдесят четвертом году, он перешел под управление коммуны. Жаль, что дом оказался совсем заброшенным. Но недавно хозяева взялись за ремонт.

Мартин поднял глаза на дом, фасад которого был в строительных лесах:

— Дом-то красивый... Надеюсь, он не сильно пострадал от пожара.

Они подошли к каменной лестнице, ведущей к входной двери. Добровольцы из пожарной дружины Фьельбаки методично собирали оборудование. Выглядели они спокойными, но Патрик мог представить, как им жарко в огромных защитных костюмах. Несмотря на раннее утро, зной стоял удушающий.